

С. П. ШВЕЦОВ.

ОМСКАЯ ГАЗЕТА „СТЕПНОЙ КРАЙ“ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА.

К истории сибирской печати

Сибирская периодическая печать дореволюционного времени, как мне уже приходилось отмечать ¹⁾, почти на всем протяжении своего существования была теснейшим образом связана с политической ссылкой. За весьма немногими исключениями, политические ссыльные были ее главными работниками, а иногда и руководителями и вдохновителями.

Омская газета «Степной Край» не составила в этом отношении какого-либо исключения.

Наблюдалось чрезвычайно любопытное и крайне характерное для дореволюционной Сибири явление: когда приближалась к «Степному Краю» политическая ссылка, входили отдельные политические ссыльные в редакцию газеты, газета начинала оживать, приобретать определенную физиономию, становилась влиятельным фактором местной общественной жизни, возрастали ее тираж и значение.

Но в финансовом отношении газета находилась в руках людей, меньше всего имевших отношение к печатному слову и менее всего пригодных для газетного дела. Эти люди были очень невысокого морального уровня, своекорыстные и в достаточной степени невежественные. Вести дело с такими хозяевами газеты для политических ссыльных было делом далеко не легким и не всегда возможным. Отсюда конфликты между владельцами газеты и сотрудниками-политическими ссыльными, то приближение последних к «Степному Краю», то резкие разрывы их с ним на долгое время. Если к сказанному прибавить, что владельцы газеты обладали всегда более чем заячьей трусостью, вследствие чего воздействие на них администрации было делом весьма легким, то неизбежность конфликтов станет еще более очевидной.

¹⁾ С. П. Швецов. „Культурное значение политссылки в Западной Сибири“ („Каторга и Ссылка“ за 1928 г., №№ 3, 4, 10 и 11).

В момент отхода от газеты политических ссыльных она сразу теряла всякий кредит в глазах читателя, превращалась в никому не нужный, никого решительно не интересующий уличный листок, бездарный и бесцветный, едва влачивший свое существование. И так до нового «альянса» с политическими ссыльными, у которых всегда наблюдалось к «Степному Краю» «влечение, род недуга», так как это была в течение чуть ли не двух десятилетий единственная газета в обширнейшем крае, жизнь в котором развивалась довольно усиленным темпом.

Потребность в печатном органе «Степной Край» была огромная, администрация же на другую газету никому не давала разрешения, находя, что всякая газета — зло. Но как только «Степной Край», благодаря политическим ссыльным, начинал приобретать значение и влияние — сейчас же администрация накладывала на него лапу, оказывая давление на владельцев, и конфликт между ними и политическими ссыльными готов: последние покидают газету, и «Степной Край» вновь опускается на дно и превращается в уличный листок, сплетническо-шантажного пошиба. Так повторялось, насколько я знаю, до конца дней его.

Меня интересуют в данном случае лишь периоды подъема, расцвета или, что то же, участия в «Степном Крае», в том или другом составе, политических ссыльных. Только в эти периоды, относительно недолгие, газета заслуживает не только внимания, но и пристального изучения, так как в это время в ней получила свое отражение развивавшаяся революция.

Первым таким периодом для «Степного Края» была середина последнего десятилетия прошлого века, когда он впервые достиг небывалого для него успеха, превратившись в серьезную, влиятельную газету, значение которой выходило за пределы обслуживаемого ею непосредственно Степного края. Этот расцвет был прямым следствием того факта, что в 1895 г. газета попала в руки политических ссыльных, которые являлись не только ее влиятельными и ответственными сотрудниками, но и фактическими редакторами.

Т. Ф. Виноградов на страницах «Каторги и Сылки» в особой статье, специально посвященной «Степному Краю», ставит такой вопрос: кто был виновником сплочения ссыльных вокруг газеты «Степной Край»? ²⁾ Даваемый им ответ,

²⁾ Ф. Виноградов. «Омская печать, ссылка и рабочее движение на Урале». (по поводу статей. С. П. Швецова и В. И. Николаева). „К. и С.“ 1929, № 1 (50).

несмотря на всю его категоричность, меня мало удовлетворяет, и я нахожу необходимым еще раз к нему возвратиться.

Пока в литературе на этот вопрос имелось два ответа: т. В. И. Николаев³⁾ и мой⁴⁾; т. Ф. Виноградов дает третий.

В. И. Николаев говорит: «Л. К. Чермак (политссылный Омска) привлек к участию в газете целый ряд политических ссыльных, как, например, П. Ф. Якубовича (Мельшина), окончившего в эти годы каторгу и находившегося в ссылке в Кургане, М. Р. Гоца (Рафаилова), В. Д. Соколова (Митрича) и других».

Здесь, очевидно, недоразумение, что и отмечает т. Виноградов. Политических ссыльные сгруппировались в «Степном Крае» осенью или даже в начале зимы 1894/5 г. Л. К. Чермака в это время в Омске еще не было: он отбывал политическую ссылку в Семипалатинске и с омскими политическими ссыльными еще не был знаком. Его самого Ф. А. Щербина извлек из Семипалатинска в Омск, но не для сотрудничества в «Степном Крае» и «сплочения вокруг газеты» политических ссыльных, а для участия в статистико-экономической экспедиции по исследованию киргизского хозяйства степных областей. Л. К. Чермак, будучи уже в Омске, конечно, участвовал в «Степном Крае», но участие его, за постоянными разъездами по исследованиям и недосугом, до конца оставалось довольно слабым⁵⁾.

Я дал несколько иное освещение факту сплочения политических ссыльных около редакции газеты «Степной Край», но, очевидно, не исчерпывающее полное. В течение сравнительно долгого времени я стоял в непосредственной близости к «Степному Краю», входя в состав его редакционного коллектива, и мне хорошо известно, что именно представляла собою газета «Степной Край»: перед вступлением в нее группы политических ссыльных, т.-е. до зимы 1894/5 г.

Владельцем ее являлся И. Г. Сунгуров, хозяин единственной частной типографии в Омске. Для него выгодно было

³⁾ В. И. Николаев „Сибирская периодическая печать и политическая ссылка“. („К. и С.“, 1928, кн. 4 (41), стр. 116).

⁴⁾ С. П. Швецов. „Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири“ („К. и С.“, 1928, кн. 4, стр. 93—4).

⁵⁾ Версия о Чермаке как создателе „Степного Края“ периода первого участия в нем политссыльных пошла с легкой руки И. И. Попова, делавшего в Обществе политкаторжан в Москве доклад о П. Ф. Якубовиче и в нем упомянувшего в указанном смысле Л. К. Чермака. В этом случае он ошибся. В. И. Николаев его ошибку только повторил и тем самым, как бы закрепил ее. Это простое недоразумение.

иметь газету, которая печаталась бы в его же типографии, не имевшей достаточного количества заказов, чтобы занять всю рабочую силу, — типография исполняла только мелкие казенные заказы. Печатание газеты «обходилось почти даром». Такова немудрая подкладка этого «литературного предприятия», первого по времени в Омске.

Сунгуров был человек крайне невежественный. В первое время чуть ли не главным его сотрудником и фактическим редактором был уголовный ссыльный — «расстрига-дьякон» Пономарев, человек грамотный, умевший написать любую кляузу. По общему развитию Пономарев стоял немногим выше своего хозяина Сунгурова, но отличался от него наглостью и недобросовестностью. Это была главная «сила» сунгуровской газеты.

Кто официально редактировал газету — я не помню. В. Н. Николаев упоминает Голодникова, как руководителя «Степного Края» этого времени. Очень может быть, что это и так. Капитон Голодников, губернаторский чиновник, имел какое-то отношение к областному статистическому комитету. В Сибири он больше известен был под кличкой Капитоши Цыганкина за скандальные похождения с цыганами, которых он, по его словам, «изучал». В общественно-литературном отношении Голодников был полным ничтожеством, однако, страдал особым писательским зудом, приведшим его вначале в так называемые «губернские» и «областные ведомости».

Вот эта троица и составляла, повидимому, основное ядро редакции сунгуровской газеты.

Весьма возможно, что именно Капитон Голодников, увлекаемый своим «писательским зудом», подбил благодушного типографщика Сунгурова на газетную авантюру.

К осени 1894 г. ответственным редактором «Степного Края» становится Павел Борисович Яшеров, и с этого именно момента к газете примыкают политические ссыльные, а вместе с ними входят и некоторые лица, не принадлежавшие к категории политических ссыльных, но к ним близко стоявшие.

Никакая культурная деятельность политических ссыльных не была бы возможна, если бы на местах ссылки они не находили какой-то, хотя бы очень ограниченной, сочувственной им среды. Правительство принимало все зависящие от него меры, чтобы задушить всякую культурную работу политических ссыльных в самом зародыше, и если это ему никогда не удавалось, то только потому, что на местах ссылки всегда находились лица, которые поддерживали политических ссыльных.

Сами политические ссыльные это прекрасно знали и очень бережно относились к таким лицам, так как губернаторско-полицейская власть в своих непрекращавшихся преследованиях политических ссыльных никогда не упускала случая ущемить и тех из местных жителей, которые чем-либо проявляли активное сочувствие к врагам царской власти.

Это не была какая-то однородная среда; напротив, это было нечто очень пестрое, не укладывающееся ни в какие заранее установленные рамки. Это была смесь «лиц, одежд и состояний»: рядом с «захудалым» мещанином или крестьянином тут встречались и представители «именитого купечества», врачи, чиновники и просто «обыватели» без резко очерченной социальной физиономии.

К этой именно категории принадлежал и новый редактор «Степного Края» П. Б. Яшеров, давний друг политических ссыльных. Едва-ли не вся жизнь его и его жены Лидии Антоновны прошла в Сибири в непосредственном постоянном соприкосновении с политическими ссыльными. Так было в их бытность в Восточной Сибири, то же наблюдалось и в Омске, куда Яшеровы переехали в 1879 г.⁶⁾

Л. А. Яшерева так передает вхождение политических ссыльных и П. Б. Яшерева в сунгуровскую газету. В 1894 г. в Омск приехали С. Н. Флоровский, направлявшийся в административную ссылку в Атбасар, и следовавшая за ним жена его, Ольга Николаевна, родная сестра Лидии и Веры Фигнер. Яшеровы познакомились с нею за несколько лет перед тем в Петербурге, через Л. Н. Фигнер-Стахевич. Теперь они встретились как старые знакомые. П. Б. Яшеров сейчас же начал хлопотать, чтобы Флоровских оставили в Омске, не высылая в Атбасар, чего ему и удалось достигнуть через чиновника особых поручений Степного генерал-губернатора К. П. Михайлова.

Через Флоровских у Яшеровых стали бывать и другие политические ссыльные Омска: К. А. Вернер, впоследствии

⁶⁾ Очень много услуг было оказано в течение длительного ряда лет супругами Яшеровыми политссыльным. Укажу здесь лишь наиболее яркие факты.

Живя в Иркутске и под Иркутском, в Пивоварихе, Яшеровы очень близко сошлись с политическими ссыльными Лидией Николаевной Фигнер и ее мужем С. Г. Стахевич. Через них Л. Н. сносилась со своими родственниками в Петербурге — матерью и сестрой Ольгой. При побегах из ссылки Богомолец и Ел. Н. Кобальской Яшеровы оказывали им активную помощь. Когда из Атбасара бежал бывший шлиссельбуржец Поливанов и явился в Омск, то его направили к Яшеровым, как в наиболее надежное место. П. Б. Яшеров принимал самое деятельное участие в организации дальнейшего продвижения Поливанова по Сибири из Омска в Европейскую Россию и за границу.

профессор Петровской академии, К. Р. Кочаровский, известный исследователь земельной общины — тогда лишь административно высланный студент, В. Г. Харитонов, Вл. Дм. Соколов. Постоянными посетителями Яшеровых в это время были и несколько человек неполитических ссыльных: упоминавшийся выше К. П. Михайлов (он и раньше имел отношение к сибирской литературе и журналистике, сотрудничал в «Восточном Обозрении», «Сибирском Сборнике», издавал отдельные книги, а затем был редактором-издателем бесцензурной петербургской газеты «Сибирь»), его брат В. П. Михайлов, ветеринарный врач, ветеринар Николаевский, агроном А. Остафьев, некогда высланный по делам «Народной Воли», также имевший отношение к литературе (помещал свои работы в «Юридическом Вестнике» и других периодических изданиях) и Як. С. Севастьянов, чиновник государственного контроля, в 70-х годах принимавший участие в революционном движении периода «хождения в народ». Образовалось нечто вроде интеллигентного кружка, который не мог удовлетворяться обычными интересами омской публики.

Вот в этой-то среде и возникла мысль о завоевании сунгуровского «Степного Края». Инициатором всего этого начинания Л. Ан. Яшерева определенно называет супругов Флоровских. Тут же была выдвинута и кандидатура П. Б. Яшерева, как редактора-издателя. В. Д. Соколов — «Митрич» ввел в этот кружок группу молодых людей, только перед тем окончивших Лесной Институт и приехавших в Омск: А. Н. Букейхана, Н. И. Грибанова и Н. П. Лоскутова.

Таким образом, сразу образовалась сильная группа, которая могла, конечно, поднять на свои плечи издание провинциальной газеты, — дело оставалось за кадром корреспондентов, разбросанных по Степному краю и Сибири. Но в этом случае опасаться было нечего: густые кадры сибирской политической ссылки служили надежной гарантией.

Что касается условий, на каких состоялось соглашение П. Б. Яшерева с владельцем газеты, то одно условие я отчетливо помню: в состав редакции и сотрудников газеты не должен был войти никто из работавших в ней раньше. Сунгуров, однако, выторговал право оставить Пономарева не в качестве сотрудника газеты при новом составе, а корректора. П. Б. Яшеров на это согласился и, как оказалось впоследствии, сделал тем самым большую ошибку.

Так возник «Степной Край» в новом составе, т.е. руководимый группой политических ссыльных и нескольких представителей местной интеллигенции. Это было в зиму 1894/5 г.

Газета обслуживала по преимуществу самый Омск и ближайшие к нему города Степного края и южной части Тобольской губернии, имея очень скромный тираж — около 800 экземпляров.

Омск представлял собою в это время тихое сибирское захолустье, выделявшееся дешевизной жизни. Вследствие этого отставные офицеры и чиновники разных ведомств стремились сюда чуть не со всей Западной Сибири. Кроме дешевизны жизни их привлекала сюда и возможность учить детей, так как в Омске имелся кадетский корпус, две гимназии — мужская и женская, учительская семинария, техническое училище и др. школы.

Своими учебными заведениями Омск обязан был тому обстоятельству, что здесь находилась резиденция генерал-губернатора — сначала Западно-Сибирского, а затем Степного края.

Железная дорога в то время еще строилась — первые поезда к западу стали ходить только с лета 1895 г. Сколько-нибудь развитой торговли, а тем более промышленности, не было. Это был типичный город, как в Сибири выражались, «крапивного семени», т.-е. чиновников, бывших и сущих «людей двадцатого числа», тихий, сонный, покрытый обывательской плесенью, под толстым покровом которой лишь кой-где начинали пробиваться едва еще заметные ростки молодой жизни.

Омск до проведения железной дороги и отдаленно не имел того экономического и культурного значения, какое принадлежало в Сибири Иркутску или Томску. Численно он не был велик, около 30 тысяч жителей. На всем городе, на всей его жизни и облике лежал тяжелый отпечаток казенщины, генерал-губернаторского сапога, давившего все и вся. Общественная жизнь едва-едва теплилась.

Появление частной газеты, хотя бы даже жалкого сунгуровского «Степного Края», являлось уже само по себе крупным общественным фактором. Тем большее значение он приобретает со вступлением в газету указанного выше кружка с М. Б. Ящеровым во главе. В газету сразу была внесена чистоплотность, а вместе с тем она приобрела известную литературность и общественную физиономию, несмотря на весь непомерный гнет цензуры.

Политические ссыльные участвовали в это время в газете, прикрываясь «благонадежными» фигурами. На передний план выдвигались К. П. Михайлов и К. Николаевский, занимавшие видное положение в омском чиновничьем мире. Правда, фактически ни тот, ни другой в газете почти не работали, а толь-

ко числились в числе сотрудников, но это было известно только в редакции, а не среди читателей и вообще интересующихся «Степным Краем». В привлечении в газету Михайлова и Николаевского заключалась вторая крупная ошибка, допущенная уже не П. Б. Яшеровым, а политическими ссыльными.

К. П. Михайлов, помимо того, что он был экс-редактором петербургской бесцензурной «Сибири», а теперь состоял крупным чиновником генерал-губернатора, был также и участником так называемого «деровского дела», которое требует здесь пояснений.

Городской голова г. Павлодара Семипалатинской области Деров, денежный человек, начинал в это именно время разработку Экибастусского месторождения каменного угля в Киргизской степи. Михайлов состоял не то управляющим, не то поверенным Дерова по этому предприятию, а также и пайщиком. Деровское предприятие, как весьма крупное, затрагивало разнообразные интересы: казны, казаков (киргиз) и т. д. На сцену выплывал рабочий вопрос; возникал вопрос о праве на недра местного населения и т. п. Короче говоря, имелось крупное капиталистическое предприятие, со всеми вытекающими из него многообразными последствиями: подрядами, поставками угля на железную дорогу и проч. Правда, все это было еще в первоначальном фазисе развития, но сулило развернуться в ближайшем же будущем в нечто достаточно крупное.

Отсюда тревожное, настороженное отношение П. Б. Яшера: Михайлов — член редакции газеты и Михайлов — участник деровского предприятия. Такая комбинация решительно не нравилась П. Б. Яшерову, так как газета легко могла стать орудием деровских интересов, а следовательно, и утратить все свое значение организатора и руководителя общественного мнения во имя определенных принципов, враждебных капитализму и его воплощению — буржуазии.

П. Б. Яшеров вошел в соглашение со своими новыми сотоварищами по ведению газеты о том, что «Степной Край» совершенно не будет касаться этого дела.

Нельзя согласиться с принятым решением и состоявшимся соглашением между редактором-издателем организуемой газеты и ее коллективом сотрудников: «деровское дело» при его развитии неизбежно выросло бы в такое крупное предприятие, затрагивающее так много чрезвычайно важных и многообразных интересов различных групп населения, что газета, даже если бы и хотела, не могла бы не останавливать на нем самого пристального внимания. Состоявшееся согла-

шение неизбежно должно было привести к конфликту между его участниками.

Так и случилось. П. Б. Яшеров, чрезвычайно ревниво относившийся к морально-общественной безупречности органа печати, которого он являлся официально представителем, зорко следил, чтобы не было никаких уклонов в газете вообще, в частности в пользу «деровского дела». Но как-то ему случилось на некоторое время отлучиться из Омска, и в его отсутствии в «Степном Крае» «проскочила» статья о «деровском деле». Ни содержащая статьи я теперь не могу восстановить, ни того, кому она принадлежала, всего вероятнее Михайлову или Николаевскому. На этой почве, по возвращении П. Б. Яшерева из поездки, произошли осложнения в редакции, и он сложил с себя редактирование газеты, сохранив за собой лишь издательство.

Так или иначе, но Михайлов после этого инцидента из редакции исчез. «Смылся» из нее и К. Николаевский и тоже не без «шума»⁷⁾.

Состав редакции и сотрудников стал более однородным; в него входили почти исключительно политические ссыльные и их ближайшие друзья.

Вот тут-то и появляется в роли ответственного редактора «Степного Края» И. Ф. Соколов, отставной генерал-майор. Я точно не могу сказать в данную минуту, когда именно произошла эта перемена, но помнится, около половины 1895 г.

Газета достигает небывалого влияния, продвигаясь в первые ряды лучшей провинциальной печати. В числе сотрудников ее в этот период мы видим такие крупные литературные имена, как П. Ф. Якубович-Мельшин, М. Р. Гоц-Рафаилов, В. Г. Короленко, В. И. Семевский и др.

Ф. Виноградов в цитированной выше статье совершенно правильно отмечает допущенную мною ошибку относительно И. Ф. Соколова: политические ссыльные, как видно из только что изложенного, раньше его вошли в газету. Я тороплюсь исправить эту вкрадшуюся неточность.

Кто привлек к «Степному Краю» И. Ф. Соколова, — я не знаю, но думаю, что ни кто другой, как П. Б. Яшеров. Омские

⁷⁾ Кто-то в квартире П. Б. Яшерева и в его присутствии сказал, что Николаевский, в качестве областного ветеринара, берет со скотопромышленников взятки. Николаевский обратился в суд, сославшись на П. Б. Яшерева, как свидетеля. Когда при разбирательстве дела судья обратился к Яшерову за разъяснением, тот со свойственной ему прямоотой отрезал: «Я не доносчик; я привык к тому, что все, что говорится в моем доме, там и остается».

политические ссыльные в это время вряд ли знали Соколова, так как он вел очень замкнутый образ жизни, и им с ним нигде было встречаться. Сложивши с себя редакторство, вероятно, его не мало тяготившее, П. Б. Яшеров не только остался официальным издателем «Степного Края», но и сохранил наилучшие отношения с политической ссылкой, имевшей отношение к газете.

И. Ф. Соколов, как ответственный редактор, был на месте. Для «Степного Края» того времени лучшего, пожалуй, и не требовалось. Как показал довольно продолжительный опыт совместной работы с ним, для газетчиков—политических ссыльных он был очень удобным редактором в разных смыслах, с которым безусловно можно было работать, несмотря на его генерал-майорский чин и разницу не только в возрасте с большинством сотрудников, но и взглядах на многие вопросы.

Сама собой напрашивается параллель между двумя названными редакторами, с которыми омская политическая ссылка вела газету в течение ряда лет.

П. Б. Яшеров для многих из нас, политических ссыльных, был своим, интимно-близким, почти родным человеком, а И. Ф. Соколов — чужим, хотя и уважаемым и ценным нами. К Яшерovu не раз многие из нас обращались по конспиративным делам, достаточно ответственным, наперед зная, что встретим не только сочувствие, но и активное содействие; а к И. Ф. Соколову можно было обращаться по литературным и т. п. легальным делам, но думаю, никому не пришло бы в голову искать у него поддержки в делах революционных.

Осенью 1895 г. я был проездом в Омске и виделся с И. Ф. Соколовым, с которым был знаком еще по Барнаулу, где он состоял на службе, а я отбывал политссылку, и откуда он, выйдя в отставку, уехал в Омск. В это время И. Ф. Соколов уже состоял редактором «Степного Края». Тогда же он мне предложил принять участие в газете и открыть в Барнауле отделение редакции. Я предложение принял.

Через четыре месяца, в конце декабря, я вновь был в Омске и опять виделся с И. Ф. Соколовым. Тут я узнал, что в редакции, как и в газете, принимают участие омские политические ссыльные, и я тогда же познакомился с некоторыми из них, помнится, с И. С. Шаровским и Вл. Дм. Соколовым. В это время велись переговоры с Сунгуровым об аренде «Степного Края». Аренда состоялась, договор был заключен П. Б. Яшеровым на один год, и с 1 января 1896 г. он уже считался официально издателем газеты, а И. Ф. Соколов — попрежнему ее ответственным редактором. Все это произо-

шло уже после моего отъезда из Омска в Барнаул. Л. К. Чермака в это время в Омске не было.

В 1895 г. летом в Омск приехала «экспедиция Половцева» для исследования положения переселенцев в степных областях. Состояла она из молодежи-студентов и только что окончивших высшие учебные заведения, по преимуществу сибиряков. Во главе ее находился К. Н. Чикурь-Куш, впоследствии известный петербургский защитник по политическим делам. Перед тем эта группа производила обследование экономического положения крестьян Ялуторовского уезда Тобольской губернии. Теперь она была приглашена владельцем Кыштымских заводов на Урале Полосцевым для обследования переселенческого дела за его, Половцева, счет.

Я не буду останавливаться здесь на этом эпизоде, отметить лишь один факт, имевший непосредственное отношение к «Степному Краю». «Половцевская экспедиция» привела в Омск только перед тем окончившего курс Петербургского Лесного Института Алихана Нурмухамедовича Букейхана. В Омск он приехал в сентябре месяце и застрял в ожидании разрешения департамента полиции начать работы по исследованию положения переселенцев. Когда экспедиция не была разрешена, Букейханов остался в Омске и стал участвовать в газете.

В это время примыкают к газете и другие лица: Ал. Ал. Долгушин, сын известного революционера-народника, погибшего в Шлиссельбурге, Н. П. Лоскутов, Н. И. Грибанов, близко стоявшие к политическим ссыльным. Тут же встречаем Я. С. Севастьянова — старого народника.

Кроме указанных выше, в это время работали в газете бывшие политические ссыльные, оставшиеся по окончании ссылки в Омске в целях заработка: Вл. Ив. Дзюбинский — впоследствии член Государственной Думы — трудовик, Ив. Сем. Шаровский — служивший в управлении государственных имуществ, Ал. Ал. Беляков — работавший у железнодорожного подрядчика, а впоследствии и сам подрядчик.

Вот та группа, которая образовалась около «Степного Края» в последнюю четверть года. Основное ядро, наиболее энергичное и инициативное, составляли Флоровский, Шаровский, Букейхан, Севастьянов и Соколов (Митрич). Они взяли на себя всю тяжесть как организационной работы по формированию редакции газеты, так и работы по ведению ее. Они же вошли затем в состав редакции и того кружка, который, как уже сказано, взял «Степной Край», при участии П. Б. Яше-рова, в аренду с 1 января 1896 г.

К этому времени в составе редакции ни К. П. Михайлова, уехавшего в Петербург, ни К. Николаевского, еще остававшегося некоторое время в Омске, уже не было. Не знаю почему, но и Долгушин недолго работал в «Степном Крае», — как будто он тоже покинул в это время Омск. Не было там уже и К. А. Вернера.

В 1896 г. возникла так называемая щербиновская экспедиция по исследованию киргизского хозяйства степных областей. Ф. А. Щербина, бывший политический ссыльный, привлек к ней несколько политических ссыльных как бывших, так и еще отбывавших ссылку. Между ними были два, примкнувшие в начале 1896 г. к редакции «Степного Края»: Л. К. Чермак, извлеченный Щербиной из Семипалатинска, и Вс. Ал. Владимирский, бывший термский политический ссыльный. Около этого же времени появились на горизонте и вошли в состав редакции «Степного Края» К. Ф. Дмитриев, И. И. Попов⁸⁾ и др. В том же году переехала в Омск из Барнаула М. В. Швецова-Лаврова и также вошла в состав редакции.

В Барнауле, как я уже сказал, было алтайское отделение редакции, организованное мною главным образом из политических ссыльных, а также из лиц, находившихся с ними в самом близком соприкосновении. Статьи, корреспонденции и проч., относившиеся к Алтаю и алтайским делам, здесь, в Барнауле, редактировались и отсылались в Омск.

Нечто в этом же роде было и в г. Кургане. П. Ф. Якубович и М. Р. Гоц отбывали здесь, выйдя с каторги, ссыльно-поселенческий стаж. Когда газета уже приобрела свой облик, они прислали в редакцию письмо с предложением своих услуг в качестве постоянных сотрудников, прося при этом, в случае принципиального согласия редакции, прислать в Курган для переговоров с ними и установки условий их постоянного сотрудничества одного из главных сотрудников газеты, подписывавшего свои статьи псевдонимом «Читатель» — А. Н. Букейхана. Редакция, конечно, с живейшей радостью ухватилась за курганское предложение, и «Читатель» — Букейхан выехал для переговоров в Курган. Соглашение состоялось, и Якубович с Гоцем вошли в редакцию газеты, как ее ближайшие сотрудники.

Если не останавливаться на других «иногородних» сотрудниках — политических ссыльных, как Л. А. Кузнецов в Петропавловске, Н. Н. Коншин в Семипалатинске, — то я, ка-

⁸⁾ Однофамилец редактора „Восточного Обозрения“ Ив. И. Попова, тоже политического ссыльного, который сотрудничал в „Степном Крае“ из Иркутска.

жется, довольно полно перечислил состав как редакции «Степного Края», так и его ближайших сотрудников из числа политических ссыльных.

Редакция и основной кадр сотрудников «Степного Края» состояли из социалистов различных оттенков. В этом — коренное отличие его от других сибирских газет того времени. И в «Восточном Обозрении», издававшемся тогда в Иркутске, и в Томской «Сибирской Жизни» социалисты перемешивались с отнюдь не социалистическими элементами. Только «Сибирская Газета» предыдущего десятилетия могла быть поставлена в этом отношении на ряду со «Степным Краем» 1896—97 гг., а позднее — в 1903—5 гг. — «Сибирский Вестник».

В этом было коренное отличие «Степного Края», это именно и придавало ему своеобразные черты, не позволявшие смешивать его с буржуазными газетами, хотя бы и радикального направления. В этом смысле он представлял собою нечто цельное, единое.

Но дальше наблюдалось уже дробление, различные течения социалистической мысли. Для постороннего взгляда это может быть не было заметно, тем не менее различные оттенки в газете существовали, и их не следует замалчивать. Как известно, в половине 90-х годов политических партий в России еще не было: «Народная Воля» давно уже была разгромлена, а новые организации еще не назрели. Но в социалистической среде уже наблюдался тот процесс, который в своем конечном проявлении разбил ее на два обособленных, часто враждующих направления: народническое и социал-демократическое. В половине 90-х годов эти направления еще не настолько обострились, чтобы мешать их представителям работать бок-о-бок в одном и том же литературном предприятии и находиться между собою в лично дружественных отношениях. Так было и со «Степным Краем».

Никакой «радикальной интеллигенции», как представителя особого направления, в составе «Степного Края», как думает т. Виноградов, не было. А. Н. Букейхан, которого он относит именно сюда, представлял собою марксистское направление в газете и был, несомненно, наиболее ярким его выразителем. Я бы сказал даже — единственно ярким. Не случайно было то обстоятельство, что Якубович-Мельшин и Гоц-Рафаилов, желая вплотную примкнуть к «Степному Краю», нашли нужным предварительно вступить в переговоры и соглашения не с кем другим, а именно с ним. Со своими единомышленниками-народниками им не нужно было никаких предварительных переговоров, так как и без пере-

говоров все было ясно. Иное дело — представители другого, чуждого им течения социалистической мысли — марксизма: здесь нужна была ясность и полная договоренность в отношениях.

Другим представителем марксистского течения был В. А. Владимирский. Но он писал мало и для читателя «Степного Края» ничем не выделялся. Обладая яркой индивидуальностью вообще, он далеко не был ярким газетным работником.

Третьим марксистом был А. А. Беляков, занимавшийся подрядными работами на строившейся Сибирской железной дороге. Я не считаю Белякова строго выдержанным марксистом, хотя он неизменно, до самой смерти своей, стоял в революционных рядах, притом наиболее крайнего направления.

Я. С. Севастьянов целиком примыкал к направлению народническому, к которому принадлежали почти все остальные члены редакции и главные сотрудники газеты⁹⁾.

Прежде чем закончить речь об этом периоде «Степного Края», я хотел бы немного задержаться еще на одном вопросе: распространенности этой газеты вообще и в частности на Урале.

«Восточное Обозрение» и «Сибирская Жизнь» — две главных сибирских газеты того времени — имели свою аудиторию всю Сибирь, до самых отдаленных ее уголков; их распространение в те годы было невелико, особенно с современной точки зрения. Я не впаду в грубую ошибку, если скажу, что тираж каждой из них не превышал 4—5 тысяч.

⁹⁾ Т. П. Белоногова, о котором говорит т. Виноградов, в это время, насколько я знаю, не было в Омске. В состав редакции «Степного Края» этого периода он никогда не входил, не числился даже и в числе его главных сотрудников. Не имел он прямого отношения и к политической ссылке. Все это сплошное недоразумение, в которое впал т. Виноградов. В рассматриваемые годы Т. П. Белоногов, по окончании Омской учительской семинарии, состоял на службе в г. Кургане, занимая место школьного учителя. Посылал иногда корреспонденции из Кургана, где «Степной Край» имел двух постоянных корреспондентов, также не политических ссыльных, а товарищей А. Н. Букейхана по Лесному Институту — Колокольникова и Наумова.

Нечто в этом же роде приходится сказать и о И. И. Попове (омском Попове, которого не следует смешивать с И. И. Поповым из Иркутска). Он как политический ссыльный вращался в той же среде, где были и сотрудники «Степного Края», но к газете имел весьма отдаленное и случайное отношение. Вот почему в своем перечне сотрудников «Степного Края» и его руководителей я и не упоминал ни т. Попова, хотя он и политический ссыльный, ни многих сотрудников газеты из не политических ссыльных. Основной задачей моих очерков, привлечших внимание т. Виноградова, был не сам по себе «Степной Край», а лишь участие в нем политических ссыльных.

Не следует забывать, что Сибирская железная дорога, оказавшая огромное влияние на распространение сибирских газет, только еще строилась. Розничной продажи газет в то время почти не существовало.

«Степному Краю» нечего было и думать в два с небольшим года, когда он был под руководством политических ссыльных, догнать в отношении тиража своих более старых собратьев в Иркутске и Томске. Для него это было тем труднее, что его аудитория была более ограничена: он никогда не был и не пытался стать органом всей Сибири, — для этого ему многого не хватало и прежде всего полной программы издания. «Степной Край» имел программу урезанную, вследствие чего многого он касаться совсем не мог; а затем его «резала» не ежедневность выхода — он выпускался лишь три раза в неделю.

Сферой его влияния был по преимуществу Степной край, южная часть Тобольской губ., Западная часть Томской и Южный Урал — линия Самаро-Златоустовской железной дороги. Для «Степного Края», выходившего в городе, через который пролегла первая сибирская ж.-д. магистраль, не ежедневность выхода газеты являлась уже условием, заранее осуждавшим ее на трудность существования и ограниченность тиража.

Значение «Степного Края», в частности на Южном Урале, покоилось не на его тираже, более чем скромном, а на его общем характере, на его относительно большом удельном весе.

Может быть, здесь не лишне будет отметить, что значительную часть литературного материала «Степной Край» не оплачивал вовсе — это труд всех тех, кто имел достаточный заработок помимо газеты; а к этой категории принадлежали все главные сотрудники газеты и ее редакционный состав, — это был труд по преимуществу безвозмездный.

К 1 января 1897 г. истекал срок контракта П. Б. Яшерева с И. Г. Сунгуровым по изданию «Степного Края». В конце 1896 г. был выработан другой договор между теми же лицами на этот раз уже сроком на пять лет, и заключен у нотариуса. Казалось, положение газеты с этого момента становилось более устойчивым и прочным. Сотрудники окрылились надеждами на возможность расширения издания и превращения его в ежедневное. Но вскоре по заключении договора владелец газеты И. Г. Сунгуров умер, а вместе с тем и сам «Степной Край» оказался в сфере таких влияний, предусмотреть которые заранее никак нельзя было.

Рассматриваемый период «Степного Края» закончился с последним номером газеты 1897 г., когда ушли все сотрудники, ответственный редактор И. Ф. Соколов и издатель по договору П. Б. Яшеров, а самый договор прекратил свое существование.

Причина ухода редакции и сотрудников из «Степного Края» лежала в тех общих условиях, в которых протекало его издание. Вся группа, которая взяла в свои руки газету, не исключая «ответственного редактора» и «издателя», принадлежала к числу людей, материально живших текущим днем и не обладавших никакими «запасами» и «сбережениями». Поэтому ни все они вместе взятые, ни тем более никто из них в отдельности не обладал нужным для ведения такого предприятия, как газета, капиталом. Они могли арендовать издание газеты у Сунгурова, но и это было сопряжено с большим риском и требовало с их стороны больших усилий. Правда, они договор обеспечивали... «всем своим имуществом». Но этого, очевидно, было слишком недостаточно: требовалось нечто более реальное, а его-то и не было.

Сунгуров умер, оставив после себя единственным наследником малолетнего сына, к которому переходили как газета, так и типография, где печатался «Степной Край». Смертью Сунгурова воспользовались темные силы, начиная с уголовного «сыльного «дьякона-расстриги», о котором упоминалось выше, и кончая генерал-губернаторской челядью. Надо отдать справедливость редакции «Степного Края», она сумела вызвать к «Степному Краю» злобу и ненависть всей чиновной и нечиновной омской нечисти. Эта нечисть, естественно, не могла не использовать в своих интересах смерти Сунгурова, собственника газеты.

Прежде всего, малолетнему Сунгурову назначили опекуном некоего Нефедова, обладавшего более чем сомнительной репутацией, а затем побудили его нарушить с прежней редакцией договор на аренду газеты, что тот с охотой и сделал. Велись, правда, долгие переговоры с Яшевым и Соколовым, но лишь «для отвода глаз», в действительности же с самого начала Нефедов дело повел на полный разрыв, который и произошел в конце декабря 1897 г.: редакция со всеми сотрудниками покинула газету.

Редактором был назначен Демин, старая канцелярская крыса, никогда не имевший никакого отношения ни к газетному делу, ни к литературе. Фактическим обладателем газеты явился «расстрига-дьякон» Пономарев, вновь превратившись из корректора «Степного Края» в его «публициста». Газета сразу опустилась на «дно», снова превратившись в бесцвет-

ный сплетнический листок, обслуживавший затхлый чиновничий мирок самого Омска.

Чтобы закончить речь о первом периоде работы политических ссыльных в «Степном Крае», я немного остановлюсь еще на двух эпизодах.

Когда политические ссыльные уже покинули газету, а ее редактором был назначен Демин, со стороны политических ссыльных была сделана еще попытка сохранить за собою газету. И. Ф. Соколов и я вошли в соглашение с оставшимся лесным ревизором Флейшманом, который должен был арендовать у Нефедова «Степной Край», с тем чтобы газета фактически перешла в руки политических ссыльных. Нефедов не подозревал, что старый заслуженный чиновник Флейшман может находиться в каких-либо отношениях с прежним активом редакции, в частности с политическими ссыльными газетчиками, и пошел на удочку: был выработан обстоятельный договор на аренду издания сроком на пять лет. Но в последний день, когда нужно было обратиться уже к нотариусу для оформления договора, Нефедов откуда-то пронюхал, что тут не все благополучно, и категорически отказался от каких-либо дальнейших переговоров с Флейшманом.

Другую попытку сделал В. Д. Соколов — «Митрич»: он нашел казачьего офицера Галкина, который согласился возбудить ходатайство о разрешении издавать в Омске ежедневную газету «Сибирское Слово». Управление по делам печати, где орудовал в это время такой фрукт, как Адикаевский, конечно, отказало¹⁰).

К 1902/3 гг. «Степной Край» претерпел новые превращения: он снова попал в руки политических ссыльных и группы местной молодой интеллигенции. На этот раз газета приняла социал-демократическое направление, поскольку оно могло быть выражено в подцензурном издании.

Состав главнейших сотрудников был такой: Викт. Ан. Ванновский, Ив. Ф. Гусев — бывшие политические ссыльные; Мар. Ант. Павловская-Ванновская — дочь начальника Сибирской жел. дороги, Ив. Мих. Ляховецкий-Майский, впоследствии коммунист, Н. Ал. Зборовский — местный интеллигент — социал-демократ; А. Н. Букейхан. Из иногородних нужно назвать А. А. Белякова — старого сотрудника «Степного Края» 1896—97 гг. Из той же редакции, но из числа

¹⁰) Относящиеся к этим эпизодам документы, как и подлинный пятилетний договор на аренду газеты между П. Б. Яшеровым и И. Г. Сунгуровым, хранятся у меня. Они, между прочим, заключают в себе любопытные данные о материальной стороне издания «Степного Края», но я в настоящей статье этой стороны не касаюсь вовсе.

ее народнического состава, мы видим здесь также В. Д. Соколова — «Митрича» и нового сотрудника того же лагеря — Ал. Як. Сулина. Но последние двое не могли влиять на направление издания, оставшегося марксистским.

Газета вновь ожила и снова начала завоевывать читателя, привлекать к себе всех тех, кто так или иначе нуждался в независимом печатном слове. Вместе с этим возродилась и злоба к газете среди чиновничьей клики и разнообразной генерал-губернаторской своры.

Считаю не лишним упомянуть здесь об одном весьма характерном эпизоде.

Ал. А. Беляков в трех «Златоустовских письмах» рассказывал подробно историю расправы уфимского губернатора Богдановича с златоустовскими рабочими, о их порке и расстреле обнаглевшим сатрапом. «Письма» эти произвели на Урале огромное впечатление. Засуетилась жандармерия и полиция и почему-то остановилась на А. А. Белякове, как на единственно возможном авторе. Началось жандармское «дознание».

Беляков сообщил об этом А. Н. Букейхану, предупредив, что нужно ожидать жандармского визита: жандармы будут искать оригинал «Златоустовских писем», чтобы по почерку определить автора. Решено было изъять из архива газеты подлинные рукописи «писем» Белякова, заменив их написанными чьей-нибудь чужой рукой. С этой целью нашли старенького военного писаря и предложили ему срочно с газетного экземпляра снять копию со всех трех писем. Тот предложение выполнил в указанный ему срок, за что и получил 100 рублей. Новые «оригиналы» были переданы в наборную рабочим, чтобы они их привели в тот внешний вид, который приобретает всякая рукопись, пройдя через руки наборщиков, т.-е. в достаточной степени помяли и попачкали неизбежной типографской грязью. После этого подлинные рукописи Белякова были уничтожены.

Жандармы не заставили себя ждать; но разочарование их было велико. — «Чорт возьми, — воскликнул жандарм, взглянув на оригиналы писем, — никакого сходства нет!»

Вскоре, однако, и с этой редакцией «Степного Края» омская администрация расправилась, но несколько иначе и более решительно, чем с первой. Редакция была арестована, кажется, в полном составе на квартире А. Я. Сулина и водворена в острог.

Вновь злополучный «Степной Край» по воле начальства пошел ко дну, опять опустившись до уличного листка.

Революция 1905 г. еще раз оживила газету, и она принимает уже социал-демократическое партийное направление. Особенно значительную роль «Степной Край» сыграл во время выборов в 1 и 2 Государственные Думы и в первое «междудумье». Он с успехом проводил в 1 Думу социал-демократического кандидата Вл. Ив. Ишерского и во 2-ую К. Виноградова.
